

респондентів (35%) вірять у долю, по 18% - у прикмети та відплату за гріхи, 15% - у надприродні сили, від 6 до 8% - у магію та гороскопи, 7% - впевнені в існуванні потойбічного життя, а 5% - в існуванні НЛО, а ще 3% вірять у переселення душ [Експрес. – 2005, листопад].

Ці дані, за невеликим винятком, дуже подібні на дані опитування прибічників рухів "New Age", що було проведене американським дослідником Вільямом Бейнбріджем. За цим опитуванням, в астрологію вірять близько 14% нью-ейджерів, у можливість зв'язку з померлими – 23,4%, у телепатичні та інші надприродні здібності людського мозку – 48%, у НЛО – 22% [Bainbridge William Sims. After the New Age // mysite.verizon.net].

Така співзвучність поглядів свідчить про укорінення постмодерністських поглядів не тільки серед неорелігійних adeptів, а й серед звичайних громадян, в тому числі й в Україні, хоча у нашій державі це ще не настільки яскраво виражено.

Тож на сучасному постмодерному етапі розвитку, суспільство переживає процес зламу традиційних світоглядних цінностей і переходу до іншого типу духовності, що ґрунтуються на поєднанні індивідуального та універсального, земного і космічного, сакрального та секулярного. Вибір тих чи інших релігійних уявлень стає актом вільного рішення індивіда, який обирає те, що йому здається найбільш зручним і комфортним, при цьому, не боячись змінювати релігійні організації при зміні своїх власних уподобань. Свідомість сучасного віруючого, таким чином, синкретизує усі набуті релігійні та позарелігійні знання, чим часто й створює свою власну особливу теорію, проте не заперечує інші, оскільки крайній плюралізм є суттєвою ознакою постмодерністського світогляду.

Подані характеристики можна окреслити як релігійний постмодернізм, основними ознаками якого, якщо його розглядати з емпіричних позицій віруючої людини, є: амбівалентний стан релігійної свідомості віруючих, що відображається в еkleктичному синтезі догматів різних віровчень (часто – традиційних і новітніх чи нетрадиційних); втрата віруючими чіткої орієнтації відносно цілей свого духовного розвитку; соціальна індиферентність; відсутність у віруючих релігійних авторитетів у церковній ієрархії; часте недотримання традицій та обрядів; періодична зміна віросповідання і, відповідно, релігійної організації, або ж участь в діяльності одразу декількох церков, сект, деномінацій.

Игорь КОБЯКОВСКИЙ (Запорожье)

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ЗДОРОВАЯ ПОЧВА ДЛЯ ЭКУМЕНИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

В рамках тематики, установленной данной конференцией, я обращаюсь в этой статье к небольшому фрагменту обширного и разнообразного поля проблематики, которое ассоциируется с взаимоотношением религиозных групп и общества в одном государстве. Я обращаюсь к значительному явлению в христианской среде – экуменическому движению; явлению, которое за последнее столетие оказало существенное влияние на христианство. И христианские церкви, и общество ожидают, что церковь займёт определённое место в обществе, будет играть определённую роль и выполнять определённую функцию в жизни общества.

Деятельность церкви в обществе связана главным образом с его духовностью и нравственностью. Однако непоправимый вред христианству приносят присущие ему внутренние распри и разделения. Свидетельство его о едином Боге и проповедь о любви Божьей подрывается соперничеством между христианскими общностями.

На практике в обществе, где представлены различные христианские деноминации, фокус церкви может смещаться с исполнения своей спасительной миссии на защиту своего исключительного или привилегированного положения среди различных христианских течений. В частности это явление имеет место в Украине. Очевидно, что церковь, разделённая и погрязшая в раздорах, не способна оказать положительного влияния на жизнь общества.

Противостояние различных христианских деноминаций вызывается, как правило, причинами, которые можно отнести к двум категориям. Одну из них можно обозначить как категорию «политическую», т.к. эти причины вызваны борьбой за сферы влияния, имущество, привилегии и т.п. Подобное противостояние часто нельзя рассматривать как нормальное для христианства, однако в этих случаях, с целью разрешения межцерковных коллизий, следует поднимать вопрос о нравственности и этичности этих поступков.

Экуменический же диалог в большей мере связан с причинами второй категории, которые можно обозначить как «доктринальные», т.к. они вызваны различиями в доктринах. В доктринах выражено мировоззрение той или иной христианской деноминации, и различия в доктринах идентично, таким образом, различию в мировоззрении. Различие же в мировоззренческих позициях является серьёзным и обоснованным препятствием для примирения церквей.

Постмодернизм в качестве мировоззренческой парадигмы или философии даёт надежду на примирение церквей в вопросах доктринального характера. В этом случае постмодернизм следует рассматривать как эпистемологическое или гносеологическое усилие человека в попытке познать истину. И хронологически эти попытки, которые берут своё начало в древности, венчает постмодернизм. Иными словами, прогресс в области эпистемологии или гносеологии достиг представлений, которые находят отражение в постмодернизме. Именно эпистемология постмодернизма даёт основание для пересмотра как природы церковной доктрины, так и для ревизии доктринальных позиций. Эта возможность связана с доктринальной теорией Джорджа Линдбэка (George Lindbeck), которая оказала существенное влияние на современное богословие. Она ассоциируется с постлиберальным богословием (Див.: Толерантність міжконфесійних відносин. – Запоріжжя, 2008. С. 54-60).

Постмодернизм – явление пёстрое и многогранное, не имеющее единого и чёткого определения, вызывающее споры и порождающее различные мнения. Естественно, что богословская среда также избирательно относится к постмодернизму. Среди характерных элементов постмодернистской парадигмы пять являются популярными в богословской среде и имеют отношение к природе доктрины: отрицание дуалистического понимания мира, отрицание универсальных законов, отрицание формирующих идеологию и мировосприятие мифов, отрицание метафизического нигилизма и принятие другого «нарративного» нигилизма, отрицание антропоцентризма и появление особого акцента на вовлечённости во взаимоотношения и на роли общины (Див.: Burkhard John. Apostolicity Then and Now: an Ecumenical Church in a Postmodern World. – Collegeville, 2004. - S 130-145). В данном случае особый интерес вызывают три из указанных пяти характеристик. Это - отрицание универсальных законов и формирующих мировосприятие мифов, а также особый акцент на вовлечённости во взаимоотношения и на роли общины.

В постмодернистском мировоззрении отрицание универсальных законов ассоциируется с фундаментальным принципом модернизма – поиском основополагающих истин, универсальных оснований реальности или универсальных законов. На этих универсальных законах, считалось, базируется всё человеческое знание. Этот же принцип был освоен богословием, которое также начало поиск универсальных законов в своей сфере. Однако фактический материал, собранный в рамках исторического богословия, подорвал веру в целесообразность поиска и использования подобных универсальных законов.

Постлиберальное богословие Линдбэка делает акцент на использовании языка в формировании, передаче и развитии доктрин в границах определённой общины верующих. В рамках данной общины формируется своя особая культура и язык, функционирующий в данной культуре. Уникальный исторический путь общины, детерминированной своей культурой и своим языком, приводит к образованию доктринальной системы, которая является уникальной. В результате мы приходим к различиям в доктринах, отражающих мировоззренческие позиции отдельной общины.

Используя свой культурно-лингвистический метод и основываясь на достижениях исторического богословия, изучающего развитие доктрин, Линдбэк на примере христологии, учения о Деве Марии и догмата о папской непогрешимости демонстрирует действенность своей доктринальной теории. Согласно этой теории доктрины, которыми оперирует церковь, являются истиной второго порядка, т.е. они отражают и основаны на истине первого порядка или утверждениях онтологического характера, но они сами не являются онтологическими утверждениями по природе (Lindbeck George. *The Nature of Doctrine Religion and Theology in a Postliberal Age.* – Philadelphia, 1984. – S. 80-81). Иными словами, существует истина первого порядка, которая тождественна существующей реальности или носит онтологический характер. Доктрина, как истина второго порядка, является производной, т.к. логически выводится из истины первого порядка. Таким образом, доктрина отражает в какой-то степени существующую реальность, но не тождественна ей. Создаваясь социумом, доктрины несут в себе особенности мировоззрения и исторического контекста данного социума. Со временем доктрины преобразовываются в доктринальные системы, которые в процессе развития доктрин усугубляют различия между доктринами отдельных церквей благодаря индивидуальной внутрисистемной логике и согласованности. Ведь со временем каждая система формирует свои индивидуальные ценности.

Согласно доктринальной теории Линдбэка церковные доктрины играют роль правил, которые регулируют теорию и практику отдельной церкви, отдельного социума. В таком качестве они оправданны и необходимы, но в то же время они действительны только в пределах конкретного исторического пути. Иными словами, каждая доктринальная система определённой церкви и её отдельные доктрины были исторически обусловлены и часто необходимы. Таким образом, теоретически все существующие церкви с их доктринами законны, т.к. их доктрины представляют мировоззрение отдельного социума со своей индивидуальной историей.

Доктринальная теория Линдбэка снимает напряжение в отношениях между христианскими деноминациями, которые желают начать экуменический диалог, т.к., по его мнению, доктрины не являются истиной первого порядка. А это означает, что в христианском мире сосуществуют равноправные доктринальные системы. Они отличаются своим содержанием и определениями, но не отличаются по своей сути. В этом случае экуменический диалог способен обогатить различные богословские традиции и уничтожить существующие недопонимания, объединяя церкви и не лишая их своей индивидуальности. Таким образом, постмодернистская эпистемология может стать почвой для продуктивного экуменического диалога.

Следует добавить две вещи к сказанному относительно доктринальной теории Линдбэка. Во-первых, эта теория вызвала широкий резонанс и применение в богословском мире, особенно в рамках экуменического движения. Она не носит локальный характер. Во-вторых, развитие постмодернизма, похоже, не упраздняет идею Линдбэка как устаревшую. Так один из исследователей постмодернизма и теории Линдбэка указывает, что модернистская эпистемология сосредоточена в субъективизме человека, постмодернистская – в языке, а пост-постмодернистская (что указывает на дальнейшее развитие постмодернизма) – во взаимоотношениях. Эта линия развития постмодернистских идей сохраняет жизнеспособность теории Линдбэка в обозримом

будущем (Greer Robert. Mapping Postmodernism a Survey of Christian options. - Downers Grove, 2003. – S. 6).

Касаясь уже самого экуменического движения, следует отметить, что оно приносит позитивные плоды в рамках существующих диалогов между церквями различных традиций: православие, католицизм, англиканство, лютеранство (Див.: Burkhard John Apostolicity Then and Nov. – Collegeville, 2004). Названные выше богословские традиции стоят наиболее близко друг ко другу в спектре современного христианского богословия. Но есть тенденции к экуменическому диалогу и имеют место попытки понять друг друга у представителей христианских деноминаций, которые практически находятся на разных полюсах этого спектра. Так в последнее время заметен интерес к историческим церквям, которые, в частности, представлены православием и католицизмом, со стороны евангельских христиан, которые очень часто ассоциируются с радикальной богословской позицией. Это связано с эрой «нового экуменизма», которая начинается примерно с 2000 года и вращается вокруг библейски оправданной ортодоксии всех существующих деноминаций (Packer James and Oden Thomas. One Faith: The Evangelical Consensus. - Downers Grove, 2004. S. 24-26). Иными словами, экуменическое движение не является эфемерной идеей. Идеи экуменизма обретают плоть и кровь. Постмодернистская атмосфера в определённой степени способствует этому.

С другой стороны, экуменический диалог возможен только при адекватной богословской подготовке и взаимном уважении к богословским традициям сторон, участвующих в диалоге. Развитию экуменических отношений между различными церквями предшествовали и способствуют сейчас богословские исследования. В частности, в значительной мере этому способствовало возникновение и развитие исторического богословия как отдельной отрасли богословской науки, изучающего развитие доктрин. Следует отметить также, что университетская среда богословских факультетов в большей мере способствует интересу к экуменическому движению и развитию его самого, нежели семинарская атмосфера. На Западе существует напряжённость между «университетом» и «семинарией». Семинарии руководствуются в большей мере внутриденациональными интересами, тогда как университеты дают больше свободы для изучения «политически» сложных для отдельных церквей проблем.

Возвращаясь к украинским реалиям и проецируя выше сказанное на нашу ситуацию, имеет смысл обратиться прежде всего к проблеме отношений между Западом и Востоком. Не взирая на существенную разницу между ними, очевидно всё же, что взаимное влияние имеет место в целом, и в частности в области богословия. Постмодернизм – это, без сомнения, явление западной цивилизации. Но и для нас этот термин сегодня не является чуждым. На сегодняшний день вместе с влиянием западных богословских школ и западного христианства в целом, которое сложно оспаривать, идеи, связанные с постмодернизмом, также проникают в нашу действительность. И, стало быть, так или иначе возникает идейная атмосфера, которая подготовит почву для продуктивного экуменического диалога. Например, появление Института экуменических студий в Украинском католическом университете, на мой взгляд, следует рассматривать как закономерность. Можно привести и другой пример. В богословских учебных заведениях, которые принадлежат церквям с традиционно негативной оценкой экуменического движения, появляются дипломные исследовательские работы, относящиеся без всякого сомнения к экуменической проблематике.

Итак, постмодернизм и экуменизм входят в нашу жизнь, но проявляют себя они пока ещё стихийно. Предпринимаются скорее индивидуальные усилия то ли со стороны отдельных учебных заведений, то ли со стороны определённых личностей.

Существует ещё много препятствий для конструктивного экуменического диалога в Украине. Мне хотелось бы обратить внимание на эти недостатки.

Как я указывал выше, успешному развитию экуменического диалога способствует адекватное богословское образование. Национальное богословское образование в большинстве случаев таковым назвать нельзя. Уровень подготовки выпускников богословских учебных заведений очень низкий. Низкий он как в отношении академических норм, существующих в западных богословских школах, так и в отношении должного понимания своей богословской традиции. Епископ Иларион (Алфеев), сведущий в православном богословском образовании, приводит примеры из своей преподавательской практики, подвергая справедливой критике состояние богословского образования в нашем православии (Иларион (Алфеев), епископ Керченский. Православное богословие на рубеже эпох. –К., 2002. – С. 210-211). Эти примеры почти идентичны моему собственному опыту во время преподавания в протестантских учебных заведениях в Украине. Фактически большинство студентов знают догматику своей деноминации в заученных определениях, но не имеют глубокого понимания её. Это значит, что экуменический диалог практически невозможен для них, т.к. этот диалог строится на глубоком знании своих традиций, в первую очередь. Иными словами, для конструктивного экуменического диалога необходимо достигнуть определённого уровня богословской подготовленности.

В нашей среде практически нет университетского богословского образования, и это известным образом отражается на качестве образования, если рассматривать богословие как науку. Внутриденоминационные интересы семинарий часто заглушают академические порывы преподавателей и студентов этих учебных заведений. Этот факт также препятствует построению конструктивного экуменического диалога.

В связи с экуменизмом следует отметить и другую проблему, также имеющую отношение к богословскому образованию. Так или иначе, но экуменическое движение направлено на объединённое действие христианской церкви в мире. Как таковое оно неизбежно ассоциируется с диалогом между церковью и обществом. Но советский период оставил нам в наследство полное непонимание между церковью и обществом и их разобщённость. Эта разобщённость сегодня выражается в том, что как богословие, так и богословское образование церковью часто оторвано от сегодняшних реалий жизни общества. Нет должного контакта и взаимодействия между академическими сферами церкви и общества в государстве. В результате полезный потенциал христианства для общественной жизни, в значительной мере, остаётся нереализованным, тогда как соответствующим образом подготовленные и образованные христиане могли бы с большей эффективностью участвовать в жизни страны.

Как видно из выше изложенного материала, богословское образование может способствовать экуменическому диалогу и преобразованию церкви в более эффективную социальную силу, которая будет действовать на благо общества. Государство также может способствовать развитию богословского образования и установлению качественно новых отношений между церковью и обществом, не только поддерживая инициативу со стороны церковью, но и выступая в качестве инициатора в данной области.